

ВЛАДИМИР
ЦВЕТОВ
ЯКУДЗА
МАФИЯ
ПО-ЯПОНСКИ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Владимир Яковлевич Цветов

Якудза. Мафия по-японски

Серия «Документальный триллер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74321536

Якудза. Мафия по-японски:

ISBN 978-5-00269-623-9

Аннотация

Эта книга посвящена истории крупнейшего гангстерского синдиката «Ямагути гуми» и его босса Кадзуо Таоки. Автор – выдающийся советский японист – прослеживает путь якудза от истоков в XVII веке до превращения в мощную криминальную империю, контролирующую десятки тысяч членов и миллиардные доходы.

Подробно описываются жестокие клановые войны, методы вербовки, система иерархии и ритуалы. Цветов показывает, как якудза срачиваются с полицией, крупным капиталом и правящей Либерально-демократической партией, защищая японскую власть. Особое внимание уделяется криминальному бизнесу: торговле оружием, «живым товаром», рэкету, а также деятельности «сокайя» – корпоративных шантажистов.

Содержание

Мафия по-японски	4
Похороны в Кобэ	4
Истоки	10
Герой своего общества	17
«Осакская война»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Владимир
Яковлевич Цветов
Якудза
Мафия по-японски
Мафия по-японски**

**Похороны в Кобэ
(Пролог)**

В Кобэ хоронили гангстера. Нет, не мелкого вымогателя или банального убийцу. Хоронили «короля» японского преступного мира, босса крупнейшего в Японии гангстерского синдиката, именуемого «Ямагути гуми». Хоронили Кадзуо Таоку. Свыше пяти тысяч гангстеров прибыли в Кобэ, чтобы почтить память самого жестокого и хитрого, самого лицемерного и вероломного, самого влиятельного и самого богатого якудза. Якудза в переводе с японского гангстер.

Траурная церемония оказалась бы еще многолюдней, если бы за два дня до похорон 9300 полицейских не провели облаву в 1332 бандитских «малинах» по всей стране. На месте

преступления полиция схватила 870 боссов и их ближайших сподручных из 126 шаяк – торговцев бухлом, содержателей игорных притонов и подпольных публичных домов, вымогателей, шантажистов. 130 якудза удалось скрыться. По ним был объявлен всеяпонский розыск.

25 октября 1981 года, в день похорон, вид Кобэ вызывал в памяти кинокадры о войне. Улицы патрулировали громоздкие автобусы, обшитые листовым железом, словно броней. Сквозь зарешеченные щели проезжую часть и тротуары зорко оглядывали полицейские в касках. На главных перекрестках стояли водометы: брендспойты, будто пушечные жерла, торчали из башен, придавая и без того мрачным машинам вид танков. Впечатление прифронтового города усиливали полицейские, расположившиеся повзводно вокруг водометов. В касках с пластиковыми забралами, защищавшими лица, с дубинками и металлическими щитами в руках, они походили на десантников, готовых отразить противника.

А «противник» начал скапливаться в городе с восходом солнца. В черных костюмах с черными галстуками, в черных лаковых штиблетах, в черных очках якудза группами по 30–50 человек выходили из вагонов скоростной железной дороги «Синкансэн», из автобусов. Они прибывали на автомашинах, непременно американских и тоже черных. Короткая стрижка черных волос делала гангстеров почти близнецами-братьями, но толпившиеся на вокзальной площади и у съездов со скоростных автотрасс мужчины в штатском,

чье подчеркнутое безразличие ко всему вокруг безошибочно выдавало в них полицейских, легко узнавали в сплошь черной толпе давнишних знакомых.

– Хироси Кимура из «Кимура гуми», – отогнув борт пиджака, во внутреннем кармане которого находились микрофон и портативная рация, отрапортовал в штаб полицейский.

– Итио Хирано, – поделился информацией с лацканом своего костюма другой полицейский и уточнил: – Тот, что живет в городе Химэдзи. – И после паузы – в штабе, видимо, требовали более полных сведений: – Да, да. Из «Такэнака гуми».

– Кунидзиро Судзуки, босс банды «Судзукуни гуми», – доложил в штаб третий полицейский. Этот уже не таился и держал микрофон прямо перед собой. Кунидзиро Судзуки запанибрата похлопал полицейского по плечу. В знак приветствия, надо полагать.

По японскому обычаю родственники усопшего Таоки разослали приглашения на похороны. В пригласительных билетах высказывалась весьма необычная для подобного обряда просьба: взять с собой на траурную церемонию не более двух телохранителей. И главари двух тысяч банд, охраняемые тремя тысячами плечистых головорезов, съехались в аристократический уголок Кобэ, целый квартал которого занимает усадьба Кадзуо Таоки. Вдоль высокой стены, окружающей усадьбу, протянулось полотнище в человеческий рост.

На белой ткани черным пауком распластался герб «Ямагути гуми». На увитых зелеными ветвями воротах, ведущих с улицы в сад, – вертикальная доска с крупно выписанными иероглифами: «Похороны третьего босса «Ямагути гуми». Тысяча полицейских в касках, выставив вперед щиты, стояли плечом к плечу вокруг всей усадьбы. Лицом к ним – цепь черных костюмов и черных очков. Это – члены «Ямагути гуми». Выражение на их лицах, их позы не оставляли сомнений: полиции не удастся легко войти в сад, где установлен алтарь с огромным портретом Кадзуо Таоки.

В начале улицы – полицейский кордон. Якудза привычным движением поднимали руки вверх, и поднаторевшие на обысках детективы тщательно обшаривали гангстеров с головы до пят. Искали оружие и деньги. Предосторожность нелишняя: японское преступное подполье постоянно раздирают междоусобицы. Пулевое ранение в шею, нанесенное Таоке членом соперничавшей банды, ускорило смерть «крестного отца» японской мафии. Перемирие, объявленное гангстерами на период траура, казалось полиции ненадежным. Случись на похоронах стрельба, полиция попала бы под массированный огонь прессы.

В Японии принято жертвовать семье умершего деньги, причем делать это надлежит обязательно на похоронах. Воспользоваться банковскими переводами якудза не могли еще и потому, что с пожертвований пришлось бы платить налоги. Отобрать деньги было для полиции, как она заявила,

не менее важно, чем обезоружить гангстеров. Смерть босса неизбежно приведет к сокращению доходов «Ямагути гуми», справедливо рассуждала полиция. А без доходов невозможно, разумеется, содержать разветвленную организацию контрабандистов и тайных торговцев бухлом, подпольных букмекеров и содержателей игорных и публичных домов, шантажистов, вымогателей и убийц. Следовательно, без денег синдикат распадется – к этому полиция стремилась все послевоенные годы. Так, во всяком случае, она уверяла общественность. Однако сколь демонстративно тщательно детективы ни ощупывали складки одежды гангстеров, «Ямагути гуми» все равно собрал во время похорон 250 миллионов иен. Подношения колебались от 300 тысяч до 20 миллионов. 20 миллионов иен – это пачка высотой почти треть метра.

Чем же примечателен Кадзуо Таока, если его похороны по пышности не уступали погребению премьер-министра?

Два убийства, семь покушений на убийство, 168 приводов в полицию, 9 лет тюремного заключения. Это из 46-томного досье на Таоку, заведенного еще в довоенную пору. Глава синдиката из 559 преступных банд, насчитывавших 11800 якудза и действовавших в 35 префектурах страны, указывается в японском справочнике «Кто есть кто». Хозяин разветвленного нелегального и легального бизнеса с годовым доходом в 102 миллиарда иен – данные японских фискальных органов, которые при жизни Таоки так и не сумели обложить налогами большую часть барышей «Ямагути гуми».

Когда вместе с японскими корреспондентами я вошел в сад, где все было готово к панихиде, ко мне приблизился член образованного после смерти босса коллективного руководства «Ямагути гуми», отвечавший за связь с прессой.

– Кем был Кадзуо Таока для нынешнего японского общества? – спросил я гангстера.

– Японский пейзаж невозможно представить без горы Фудзи, японскую культуру – без икебаны, японскую промышленность – без электроники. – Якудза перечислил набор образов-штампов, сочиненных зарубежной печатью, чтобы мне, иностранцу, стала доступнее его мысль. – Так и японское общество, – dokonчил мысль якудза, – нельзя было вообразить без Кадзуо Таоки.

Гангстер – хозяйский угодник, сам того не подозревая, удивительно точно обозначил место Таоки, а заодно и всего преступного подполья в стране, прозванной «Джапан инкорпорейтед».

Истоки

«Если хочешь быть счастливым, приезжай в Эдо». Как и всякую крылатую фразу, эту поговорку родила жизнь. В XVII веке тысячи крестьян, ремесленников, самураев, чьи князья разорились и не могли содержать вооруженную охрану, устремились в Эдо – так тогда именовали Токио. К слову «счастливый» они знали единственный синоним: «богатый». Бурно строившийся Эдо действительно давал неимущим крестьянам и самураям возможность заработать на существование, а особенно удачливым – разбогатеть. Крестьяне полагались на свои руки. Самураи, которых не до конца развратило тунеядство при княжеских замках, выбирали науки, изучение западных языков. Среди воинского сословия оказались, однако, и такие, кто сообразил: в кишачем пришлым людом Эдо не обязательно жить своим умом, можно жить и чужой глупостью. Бандзуйин Тёбэй был из их числа.

Неспособный усвоить ни одной буквы и прежде всего букву закона – ту, что требовала честности в азартных играх, он открыл игорный притон и довольно скоро сколотил состояние. Тёбэй сделался первым описанным в японской истории якудза. «Я» в переводе с японского «восемь», «ку» – «девять», «дза» – видоизмененное «сан», то есть «три». В сумме – двадцать, самое плохое число в японских картах.

Однажды власти предложили Тёбэю, успевшему просла-

виться в Эдо, заняться наймом рабочих для прокладки дорог в городе и окрестностях и для ремонта каменных стен Эдоского замка. Поскольку для этой деятельности Тёбэй навыков не имел, он снова прибег к помощи карт. Обыгранные им незадачливые картежники должны были на стройке отрабатывать долги и проценты на них. Так у якудза появился еще один «производственный» профиль: посредничество при найме на поденную работу. Вместе с азартными играми, букмекерством подобное посредничество, являющееся, по существу, системой организации принудительного труда, до сих пор остается частью бизнеса японского преступного подполья.

Сохранила для нас история и свидетельства о первой гангстерской войне. Она, как и в наши дни, вспыхнула из-за дележа территорий, на которых широко расплодившиеся к середине XIX века банды якудза устраивали свои игорные дома и обирали рабочих-поденщиков. Дзиротё из города Симидзу во главе гангстерской шайки из шестисот человек безжалостно вырезал группу соперников в соседней префектуре. Считают, что именно от Дзиротё дошла до нынешних якудза философско-людоедская сентенция:

«Пистолет холоден. Пистолет – это механизм. В нем нет персонификации, – так передают гангстеры слова Дзиротё. – А меч – продолжение человеческой руки, человеческой плоти, и я могу, – цитируют якудза изречение своего прародителя, – передать всю глубину ненависти к противнику, ко-

гда клинок моего меча пронзает его тело. Погружая руку-меч в тело врага, – в этом месте пересказа слов Дзиротё якудза обычно закатывают в экстазе глаза, – нет большего наслаждения произнести: «Синдэ мораимасу», то есть «прошу вас умереть».

Японская организованная преступность пришла к 300-летнему юбилею с результатами, которым, вероятно, жгуче завидуют и американская «Коза nostra», и сицилийская мафия. Годовой доход подпольных синдикатов мало уступает выручке, какую имеет, скажем, концерн «Тоёта», крупнейший в мире производитель автомобилей. Это фантастическое богатство способно заставить людей верить во что угодно, даже в праведность нижеследующих поступков.

Одним ясным весенним днем, повествует сказание о Дзиротё, используемое уже сотню лет для назидания японским школьникам, якудза из города Симидзу повелел своему помощнику Исимацу предпринять паломничество в храм Компира, что на острове Сикоку. «Зачем же идти так далеко? – удивился Исимацу. – Ведь до храма четыре недели пути». – «Разве ты забыл, – отвечал Дзиротё, – что как раз семь лет назад сразили мы Дайган сн Сакуро-бэя и Хагэта Кюроку, когда украли золотых дельфинов с крыши с Нагойского замка? Благодаря молитве в храме Компира успех сопровождал нас. Так можем ли мы остаться неблагодарными богам, благословившим нас на дело? Я очистил от крови свой меч. Преподнеси его храму вместе с пятьюдесятью монетами

в качестве дара».

Исимацу отправился на Сикоку. А вернувшись, доложил: храм сделал меч святой утварью и принял 50 монет.

Неплохой набор статей уголовного кодекса, что нарушили участники сказочки. Два убийства и грабеж в особо крупных размерах повисли, выражаясь полицейской терминологией, на Дзиротё. Подстрекательство к убийству и грабежу, укрывательство оружия, посредством которого совершены убийства, получение заведомо ворованных денег мог бы инкриминировать храму суд. Но богоугодные, оказывается, деяния творил Дзиротё, ибо отличался набожностью и испытывал «гири» – чувство долга по отношению к тому, кому был обязан. Святость же поведения храма сомнению, как известно, не подлежит.

Национальное полицейское управление с весьма неожиданной откровенностью констатирует в документе, посвященном состоянию организованной преступности в стране:

«Возможно, гораздо более, чем какие-либо другие сегменты общества, гангстеры в Японии романтизированы и даже идолизированы. Это достигнуто тем, – продолжают исследователи из полиции, – что гангстерам придан образ робин гудов, которые связаны друг с другом узами преданности и стремятся не только не наносить ущерб невиновным, но и активно помогают им. Создавать такой образ начали еще в эпоху феодализма, – вполне обоснованно указывают полицейские и заканчивают анализ обвинением, которое в

их печатном издании звучит особенно убедительно: сп Сегодня миф о «добром» преступнике культивируется в сотнях кинофильмов, выходящих каждый год».

Полиция могла бы добавить, что большинство этих фильмов снято на деньги самих якудза.

В угоду умилению грошовой филантропией, иногда случавшейся в разбойной истории якудза, сказания о гангстерах утаивают кровожадность, бесчестность, коварство и, самое главное, соучастие в подавлении властями народного недовольства. Известно, например, что Тэссю Ямаока, назначенный в 1871 году управляющим двором императора Мэйдзи, частенько прибегал к услугам Дзиротё, когда требовалось усмирить столичную бедноту, подымавшуюся против полуголодного существования, или крестьян, возмущенных несправедливыми поборами. Тогда-то Дзиротё с особым блаженством «погружал руку-меч в тело врага». Правда, слов «прошу вас умереть» не говорил: столь возвышенным стилем якудза с чернью не объяснялись.

Особенно стараются над приданием ореола добропорядочности вокруг своих деяний сами гангстеры. Сын босса синдиката «Ямагути гуми» Мицуру Таока возмущенно выговаривал журналистам: «Когда вы слышите слово «якудза», то тут же представляете себе американскую мафию, для которой главное – преступления и деньги. Однако неверно сравнивать якудза с мафией. Наши якудза имеют славные традиции и всегда помогали своим согражданам». На одной

из пресс-конференций кто-то из руководителей «Ямагути гуми» сказал: «Мы – цветы лотоса в грязном пруду. Ценой жизни мы блюдем кодекс чести». Журналисты не пустили, однако, растроганных слез, во-первых, оскорбившись, видно, за сравнение общества, которому служат, с грязным прудом, и, во-вторых, они не забыли о только что отшумевшем на телеэкранах и на газетных страницах уголовном деле двух якудза – Тадаси Сэкимото, босса «Синко кай», и Исао Кубо, члена этой банды.

Сэкимото застраховал жизнь своей жены Нобуко на 300 миллионов иен и затем договорился с Кубо и шофером банды жену убить, а страховую премию поделить: 240 миллионов иен – Сэкимото, по 30 миллионов иен – Кубо и шоферу. Кубо устроил вечеринку в загородном ресторане. Сэкимото предложил жене съездить в город за ее матерью и пригласить на ужин. Шофер повез Нобуко через дамбу, перегораживавшую озеро, на берегу которого располагался ресторан, и, в соответствии с планом убийства, на большой скорости перелетел на машине через барьер дамбы. Как рассчитывали убийцы, шофер должен был выбраться из тонувшей машины, оставив в ней Нобуко. Но ни шофер, ни Нобуко не спаслись... Босс Сэкимото получил 240 миллионов иен и дополнительно к ним 30 миллионов иен погибшего шофера.

Это уж не цветочки лотоса, а ядовитые ягодки, созревшие на почве, удобренной гангстерским кодексом чести. Бандит Кубо и шофер следовали «гири» – долгу признательности

убийце – боссу.

Как верх циничного лицемерия расценила общественность заявление по телевидению самого главара «Ямагути гуми» Кадзуо Таока. Обращаясь к находившимся в телестудии якудза, Таока с хорошо отрепетированной проникновенностью произнес: «Сделайте все, чтобы искоренить в себе ненависть. Демонстрируйте респектабельность поступков и чистоту помыслов. И всегда улыбайтесь и будьте почтительными». Казалось, гангстеры немедля примутся врачевать физические и моральные недуги грешного человечества. Но этого не случилось, так как ведущий телепрограммы неожиданно нарушил храмово-елейную атмосферу в студии. Когда Таока сказал, что прожил жизнь, неизменно отдавая дань признательности за услуги, за одолжения, за помощь и участие, то есть руководствовался принципом «гири», ведущий спросил: «Можно ли истолковать это выражение, как «рука руку моет»?» Кадзуо Таока с поистине обезоруживающей непосредственностью ответил: «Вы дали очень яркое объяснение. Мне нравится ваша интерпретация».

Герой своего общества

В самой бедной семье самой бедной деревни в самой бедной префектуре Токусима, что на самом бедном острове Сикоку, 27 марта 1913 года родился мальчик Кадзуо. Отец не дождался появления сына на свет. Когда Кадзуо исполнилось три года, мать Нака повела его на кладбище и у маленького надгробного камня сказала: «Попросим небо, чтобы хоть там отцу было покойно». Взрослым, вызывая в памяти образ матери, Кадзуо видел ее или согбенной в поле, куда он пробирался тайком, потому что помещик ругался: «Тебе бы, Нака, все лодыря с ребенком гонять!», или неестественно прямой в окружении врача, никогда доселе в доме не появлявшегося, и соседей, которые неловко облачали неподвижное тело матери в единственное ее кимоно.

«Похороны матери запомнились мне прежде всего тем, что на них я впервые за шесть лет после рождения съел куриное яйцо и выпил молока, – написал Кадзуо Таока в своей книжке «Ямагути гуми». Автобиография третьего босса». – И еще врезался в сознание спор между двумя сестрами и братом, кому заботиться обо мне. У сестер – собственные семьи, брат жил у хозяев в городе, и для всех я был непосильной обузой».

Жизнь Кадзуо Таоки пошла бы, наверное, по иному руслу, если бы брат матери, портовый грузчик из города Кобэ, спя-

ну не сболтнул на поминках: «Мальчишка поедет со мной!»

Голод у чужих тяжелее голода дома. Эту истину Таока узнал в семье дяди, которая ненавидела и презирала Таоку. Нет горше унижения, чем быть бедным, – реальность, откровенно скрывавшаяся Таоке в школе. Сколько ни трудись, богатым не станешь, убедился Таока, когда с четырех часов утра и до начала занятий в школе разносил по домам газеты. Правда неизменно на стороне тех, кто наверху, тот, кто внизу, всегда виновен, вынес Таока из недолгого пребывания в цехе судостроительного завода «Кавасаки», откуда был изгнан за строптивость. И наконец, в «гондзо бэя», ночлежке, принадлежавшей маленькой тогда банде «Ямагути гуми» и служившей пристанищем портовым грузчикам, которых по деньгам нанимала банда, Таока постиг главную для себя заповедь: в обществе, в котором он живет, только сила и жестокость способны принести деньги, а вместе с ними – власть, независимость и счастье.

1930 год. Экономический кризис, начавшись в США, подмял Японию, словно асфальтовый каток. На треть упало промышленное производство, почти наполовину снизился внешнеторговый оборот, 3 млн человек лишились работы. Чтобы второй каток – на сей раз забастовочной борьбы и крестьянских волнений – не раздавил окончательно социальную систему, правительство решило вдохнуть пар в котел экономики, усилив подготовку к войне, и выпустить пар из котла народного гнева, поощрив распространение зрелищ,

которые, по расчетам правительства, должны были восполнить недостаток хлеба.

В Кобэ якудза открыли несколько сот игорных притонов. Во владении гангстеров оказались все новые кинозалы. В них пошли звуковые фильмы. Якудза выгнали из баров прежних хозяев и впустили туда экзотический американский джаз. Число публичных домов превысило число кинотеатров. Публичными домами управляли гангстеры. Но самое главное – найм грузчиков и строительных рабочих тоже превратился в безраздельную монополию якудза.

Сокрушая соперников, городом постепенно овладевала банда «Ямагути гуми». «Сердце мое замирало в восхищении и страхе, когда я видел на улице Нобору Ямагути – босса «Ямагути гуми», – написал Таока в «Автобиографии». – Босс был сама сила, сама уверенность в себе, он был само воплощение власти над людьми, чего я так исступленно жаждал». Жизнь в ночлежке подсказала Таоке, как обратить на себя внимание босса. Таока устроил шумный дебош во владениях самого Нобору Ямагути, и тот пришел, чтобы лично проучить «кусубори» – уличного хулигана. Но не тронул его.

– Это тебе дали прозвище Медведь? – спросил он, внимательно оглядывая, как бы прицениваясь, костистую, жилистую фигуру Таоки. Такую кличку Таока получил после того, как в драке выдавил пальцами глаза у противника.

– Я – Медведь, – ответил Таока, и, видно, столь неподдельные восторг и мольба сквозили в его взгляде, что Нобору

Ямагути, обернувшись к стоявшему позади якудза, коротко проронил:

– Возьми пацана. Толк выйдет.

Быть «сансита» в доме гангстера оказалось ничуть не легче, чем находиться в семье дяди на положении ненавидимого всеми нахлебника. «Сансита» – низший разряд в табели о рангах у якудза. Подъем в пять утра. Уборка дома, тщательная, но бесшумная, потому что босс спит или после карт в игорном доме, или после пьяной оргии. Затем – бегом за покупками. Целый день – работа по дому, кто что прикажет, а приказывать могут все члены семьи якудза. Вечером – охрана босса. Холод ли, дождь, Таока – босиком, дешевое кимоно на голом теле. Глубокие трещины на руках, сбитые ноги, воспаленные от недосыпания глаза – обычный вид «сансита».

Мало беспрекословно слушаться босса, его жены, детей. Так «дэката» – следующую ступеньку гангстерской иерархии – не займешь. Надо угадывать желания хозяев, распознавать их настроение и вести себя в соответствии с ним. Не говорить лишнего. Не спрашивать о том, что знать не обязательно. Болтливость и любопытство гангстеры жестоко карают. Без напоминания и быстро следует схватывать карточные хитрости босса, сидя за его спиной в игорном притоне, перенимать манеру хозяина вести дела в порту и на стройке, изучать повадки хозяина, его мастерство владения мечом и ножом и, самое главное, проникаться жестокостью. Но здесь

Таока был уже далеко не новичок; короткий и резкий удар пальцами в глаза – излюбленный прием Таоки – испытали на себе многие «баракэцу», портовая шпана.

Тяжесть обязанностей «сансита» окупалась, однако, сытостью, добротной крышей над головой, надежной защитой от внешнего недоброго мира и опасливым уважением, которое окружает в этом мире даже самого мелкого якудза. Годы спустя полиция, на основе длительного изучения истории, нравов и быта преступного подполья, придет к убийственному для буржуазного строя выводу: «Можно утверждать, что главная причина, побуждающая оставаться в преступном подполье, – удовлетворение существованием, которого не в состоянии дать нормальное общество». Надо полагать, полицейские аналитики приняли во внимание и опыт Кадзуо Таоки тоже.

В том же полицейском исследовании указано, что половина всех якудза, вступивших в банды до 1959 года, прошли в течение трех лет суровую школу «сансита». У остальных моральная и профессиональная подготовка была короче. Ее результаты отразились в такой статистике: две трети якудза считают, что для получения больших денег годятся любые способы, 75 процентов гангстеров не останавливаются перед преступлением ради интересов банды. Когда у известного криминолога Канэхиро Хосино поинтересовались, почему, судя по этим цифрам, гангстерское воспитание оказывается более эффективным, чем школьное, криминолог на-

нес, хотел он того или нет, еще один удар по буржуазному обществу. «Сансита» не сталкиваются с лицемерием», – сказал ученый.

Лето 1934 года. В порту Кобэ спокойно. Поденные грузчики, которыми распоряжалась «Ямагути гуми», помалкивали, понимая, что стоит хотя бы чуть-чуть возвысить голос недовольства низкой оплатой или тяжелыми условиями труда, как расплата наступит сразу же: нож в бок или удар кастетом по затылку. Однако портовики, объединенные в профсоюз, отказались сносить произвол и пригрозили транспортным и портовым фирмам забастовкой. Фирмы бросились за помощью к «Ямагути гуми», мрачная слава которой широко к тому времени распространилась в городе. Помимо порта банда контролировала городской оптовый рынок, увеселительный район со всеми театрами, кино и значными местами, организацию соревнований по национальной борьбе «сумо», выступления эстрадных певцов и другие стороны общественной жизни Кобэ.

Карательный отряд был тут же отряжен. Таока вызвался идти первым. Нож он спрятал под мышкой. Надел кимоно, туго затянулся широким поясом. Профсоюз располагался в подвальном этаже пароходной фирмы: у входа висел красный флаг и охрану несли двое молодых докеров с красными повязками – «хатимаки» – вокруг головы – знак решимости бороться. Ничем не выдавая себя, Таока с сообщником прошли мимо юношей – множество людей то входили, то выхо-

дили из дверей. В комнате рядом с профсоюзным знаменем Таока увидел человека, который показался ему руководителем, и он с размаха ударил его ножом. Человек вскрикнул. Упал. Кто-то попытался схватить Таоку за руку, но якудза вырвался и, не разбирая лиц, принялся колоть ножом всех подряд. «Хватит! Бежим!» – крикнул сообщник и кинулся к выходу. Таока – за ним. Долго оставаться в помещении профсоюза было опасно: карательный отряд подумал бы, что авангард попал в переделку, и тогда развернулось бы кровавое побоище, в успешном исходе которого для банды босс не был полностью уверен.

Некоторое время «Ямагути гуми» прятала Таоку, снабжая, как водится в таких случаях, деньгами, пищей, одеждой. Когда Нобору Ямагути достиг соглашения с полицией, Таока покинул конспиративное убежище и сдался властям: ему засчитывалась явка с повинной, а полиция получала возможность закончить дело и повысить статистику раскрываемости преступлений. В качестве жеста признательности за это она отказывалась от преследования всей банды. Прием старый, как мир якудза. Им пользовался еще Дзиротё и, к удовольствию полиции, пользуется японское гангстерское подполье до сих пор.

«Ямагути гуми» наняла дорогого адвоката. Но ему не потребовалось много времени и большого красноречия, чтобы доказать благорасположенным к Таоке судьям: произошла тривиальная уличная ссора, а не попытка насилием по-

мешать осуществлению членами профсоюза их конституционных прав. И посему подзащитный Таока, чьим душевным качествам дают лестную оценку столь уважаемые в городе люди, как руководители «Ямагути гуми», заслуживает снисхождения. Суд с готовностью согласился с доводами адвоката и определил минимальное наказание: год тюрьмы.

Тюремное заключение, скрашенное ежедневными богатыми передачами с воли, пролетело незаметно, и в октябре 1935 года Нобору Ямагути и с ним весь «генералитет» банды торжественно приветствовали Таоку у ворот тюрьмы. Нобору Ямагути поздравил Таоку с присвоением чина, именуемого «сынок». Между Таокой и вершиной гангстерской пирамиды оставалась теперь лишь одна ступень – чин «брата».

В «Ямагути гуми» Таока возглавил эстрадный бизнес. Мало того, что якудза владели почти всеми залами в Кобэ и ни один концерт не мог состояться, если артист не выплачивал «Ямагути гуми» дань. Не могли распоряжаться собой и сами артисты. Предложение выступить в концерте, организуемом бандой, воспринималось как приказ. В случае отказа строптивец рисковал, в лучшем случае, потерей возможности появиться когда-либо в Кобэ, а в худшем – увечьем или даже смертью. Эстрада приносила «Ямагути гуми» изрядные доходы, и путь Таоки к чину «брата» быстро сокращался. Но инстинкт зверя не заснул в Таоке за время первой отсидки в тюрьме. В ссоре он зарубил мечом своего же, якудза, и отправился за решетку на восемь лет.

Таока вышел на свободу незадолго до капитуляции Японии. Двадцать якудза встретили его у тюрьмы – все, что осталось от «Ямагути гуми». Босс Нобору Ямагути умер от ножевых ран. «Братья» постарели и сникли. Почти все «сын-ки» воевали в императорской армии. В порту распоряжались солдаты да жандармы. Кинотеатры, концертные залы, игорные дома сгорели от бомб – американская авиация нанесла по Кобэ почти сотню воздушных ударов.

Бомбардировки сделали бездомными 530 тысяч жителей города. В развалинах они искали хотя бы подобие кровли, чтобы укрыть от непогоды детей и самим приклонить голову. Искал и Таока. Освободившись от конвоя солдатского, Таока не встал, однако, под конвой собственной совести. Он отобрал у многодетной семьи крышу, которую пощадила бомба, устроил под ней игорный притон. За карточной игрой и застал Таоку императорский приказ о капитуляции.

За время захватнических войн японские колонизаторы ввезли в страну из поработанной Кореи и из оккупированных районов Китая 2 миллиона невольников. Особенно много было их в промышленном Кобэ. Освобождение из концлагерей не принесло этим людям свободы от лишений и нищеты. Оставленные американской оккупационной армией в неприкосновенности полиция и городские власти продолжали относиться к выходцам из Кореи и Китая как к низшим существам, фактически обрекая их на голодную смерть. Но долгое рабство не сломало воли корейцев и китайцев к со-

противлению.

В феврале 1946 года был убит полицейский начальник одного из районов Кобэ, в апреле – высший чин полиции другого района. Затем восставшие корейцы и китайцы захватили полицейский участок и открыли двери тюрьмы, где находились вчерашние узники императорских концлагерей. Опасность нависла над городским полицейским управлением. «Японская система пошатнулась, – написал в «Автобиографии» Таока, имея в виду строй угнетения и эксплуатации. – Необходимо было защищать власть, спасти общество, – продолжал далее якудза, понимая, надо полагать, что, погибни эти власть и общество, смерть настигнет и преступный мир. – И, как бывало раньше, полиция обратилась, – не без самодовольства подчеркнул Таока, – за помощью ко мне». Полиция помнила, разумеется, «геройство» Таоки в борьбе с профсоюзом порта Кобэ.

Чрезвычайный совет, открывшийся в городском муниципалитете, мог бы сделаться прекраснейшей иллюстрацией буржуазной демократии. Мэр Кобэ, начальник городской полиции и гангстер Кадзуо Таока обсуждали, как спасти «японскую систему». Собственно, говорил гангстер, а общественный избранник – мэр – и представитель государства – полицейский – сосредоточенно внимали ему. На страницах гангстерского печатного органа «Ямагути гуми дзихо» лидер банды «Сасаки гуми» Митио Сасаки рассказал позднее о тогдашнем плане Таоки.

«Члены «Ямагути гуми» мужественно, с сознанием огромной ответственности перед обществом день и ночь охраняли полицейское управление от нападения «людей из третьих стран». – Гангстер использовал по отношению к корейцам и китайцам презрительное выражение из лексикона довоенных японских милитаристов. – В случае атаки полицейские были готовы бежать с важными документами, с досье из здания управления через черный ход, – поделился воспоминаниями о диспозиции Таоки якудза. – Члены «Ямагути гуми» изготавились скинуть с крыши управления на нападающих канистры с бензином и забросать их гранатами, а затем с револьверами и мечами выскочить из парадных дверей и довершить разгром противника. Полиция предупредила, что не станет трогать «Ямагути гуми», если убитыми или ранеными окажутся «люди из третьих стран». Семьям погибших якудза она обещала деньги, – без малейшего смущения продолжил гангстер рассказ о сговоре властей с преступным подпольем. – Якудза сделались щитом безопасности родины», – высокопарно закончил гангстер.

«Джапан инкорпорейтед» – так именуют буржуазные историки, экономисты, социологи Японию за единомыслие большого бизнеса с законодательной и исполнительной властью. Есть четвертый участник этого союза – якудза. Союз, истоки которого уходят в императорскую Японию, окончательно выковался после второй мировой войны.

«Осакская война»

– После смерти Нобору Ямагути у нас нет босса. Шла война, и мы мирились с этим.

Такими словами открыл осенью 1946 года самый старый «брат» «Ямагути гуми» сходку членов банды.

– Нам надо решить, – сказал он, – кто возглавит организацию, иначе мы рискуем опоздать.

Все прекрасно поняли, что имел в виду «брат». «Черный рынок» – в руках американцев. Тягаться с ними невозможно. Игорные притоны, стремительно плодившиеся публичные дома, бары, подпольную торговлю – прибирали к рукам другие шайки. В Кобэ, где до войны безраздельно властвовала «Ямагути гуми», действовали теперь 75 групп якудза. «Опоздать» значило остаться без доходов.

Возглавить «Ямагути гуми», то есть сделаться третьим по счету ее боссом, должен Кадзуо Таока, сошлись во мнении участники сходки, потому что не находилось среди них никого, кто был бы свирепее и беспринципнее, изворотливее в бизнесе и искуснее в кровопролитии, чем Медведь – довоенную кличку Таоки и причину ее появления в банде не забыли.

Сравниться с Таокой хитроумием и прозорливостью никто в «Ямагути гуми» в самом деле не мог. Перед церемонией вступления в наследование верховной власти в органи-

зации я составил три принципа жизни и деятельности якудза. Они потом сделались основополагающими для всех, кто входит в наш мир, – написал Таока в книжке «Ямагути гуми». Автобиография третьего босса». – Во-первых, иметь профессию. Во-вторых, получать по заслугам и сполна нести ответственность за ошибку или отступничество. В-третьих, подобно Бандзуйин Тёбэю и Дзиротё из Симидзу, стоять на стороне народа, даже если это потребует выступления против властей».

Законная «крыша» над преступным бизнесом, о чем говорится в первом принципе Таоки, до сих пор спасает якудза от серьезных потерь, поскольку время от времени полиция встает перед необходимостью наносить удары по гангстерскому подполью. Делается это в угоду моральному возмущению обывателя, который в условиях капиталистической действительности лишен легальных возможностей достичь денежного успеха и потому жгуче завидует прибылям якудза. Полиция арестовывает некоторых бандитов, но тех, кто принял облик респектабельных предпринимателей, как правило, не трогает.

Отбивая на сходке благодарственные поклоны «братьям» и «сынкам» за оказанное доверие, Таока видел себя не просто главарем малолюдной шайки, у которой нет денег на аренду приличного ресторана, чтобы отметить обряд коронации нового босса. Ему чудилось главенство над всем миром якудза – от края и до края Японии. Он отдавал себе от-

чет, что кровью будет полит его путь к верховной власти, и возводил в непреложный принцип, второй по счету в кодексе, принцип железной дисциплины и беспрекословного подчинения. В уже упоминавшемся телеинтервью Таока мог бы следующим образом продолжить мысль ведущего программы: у якудза рука руку не только моет, но и, случается, рука руку рубит, если рука отказывается копаться в особенно густой и зловонной грязи.

Формулируя третий принцип – о защите интересов народа, – Таока лицемерил не ради удовольствия. Членство в «Джапан инкорпорейтед» требовало сладкого сп «имэджа», образа, чтобы буржуа мог с приятностью скушать отвратительную реальность: в японском обществе заправляют не одни предприниматели и политики, а и якудза тоже. Что до властей, то обещание Таоки выступать на стороне народа они восприняли в полном согласии с японской поговоркой: «Речь Будды, сердце змеи». Ведь власти сами прикрывают свои антинародные действия пылкими заверениями в преданности интересам народа.

«Когда шагает Юкио Дзидо, и трава увядает со страху». Таоку жестокостью не удивишь, но и он содрогался, когда видел гиганта Дзидо, солдата бывшей императорской армии, про которого говорили, что он одним ударом меча разрубал от головы до ног пленных и съедал их еще теплую печень. В Китае Дзидо, похваляясь силой, руками разрывал детей на части. Так что в «Ямагути гуми» не преувеличива-

ли чрезмерно, сочинив про траву, которая увядает в присутствии Дзидо. Таока назначил его начальником боевого отряда «Ямагути гуми», иначе говоря – предводителем группы убийц. С операции, проведенной головорезами Дзидо, и началось завоевание Таокой Японии.

«Ямагути гуми» припозднилась, и контроль над ипподромами и коммерческими велотреками в Кобэ и в соседних городах захватили другие банды. Боевой отряд Дзидо разворотил кассы тотализаторов и вместе с ними – трибуны. Понадобился не ремонт, потребовалось строительство заново и ипподромов, и велотреков. Теперь «Ямагути гуми» стала единолично взимать дань с муниципалитетов – организаторов скачек и велогонок и официальных хозяев ипподромных и трековых тотализаторов.

Довоенное занятие эстрадным бизнесом не пропало для Таоки даром. К концу 1948 года он овладел крупнейшими залами Кобэ. В них начались концерты «рокёку» – не лишенный сентиментальности Таока любил японское традиционное речитативное пение. Однако он быстро учуял, куда дует ветер эстрадной моды и откуда дует ветер прибыли, и устроил так, что приехавшая на гастроли в Кобэ 11-летняя девочка, с успехом распевавшая на подмостках и по радио «буги-вуги», первый свой визит в городе нанесла в контору «Ямагути гуми».

Маленькая девочка не ведала, конечно, кто такой Таока и что такое «Ямагути гуми», но ее менеджер быстро постиг

это, познакомившись с тремя коротко постриженными парнями, у которых в вырезе кимоно на груди виднелась разноцветная татуировка. Поэтому девочка, войдя к Таоке, низко поклонилась и сказала совсем по-взрослому: «Прошу и впредь не оставлять меня без вашей заботы».

Это была Хибари Мисора, чей звездный блеск почти 40 лет не меркнет на капризном небосклоне японской эстрады. Сияние «звезды» оборачивается для «Ямагути гуми» миллионными доходами. Нет, Таока не обирал певицу по-су-тенерски грубо. Просто она, как и десяток других японских певцов и артистов, подписала контракт с фирмой «Кобэ гэ-нося», президентом которой числился Таока. Он скрупулезно следовал разработанным им самим же принципам жизни и деятельности якудза.

25 июня 1950 года США развязали агрессивную войну в Корее. Япония превратилась в тыловую базу американской армии. Отсюда шла в Корею военная техника, боеприпасы, снаряжение. Сюда прибывали подбитые американские танки, самолеты, корабли, чтобы после ремонта снова отправиться на фронт. Погрузочно-разгрузочные работы в порту Кобэ не останавливались теперь ни днем, ни ночью. «Мое время пришло», – решил Таока.

В порту уже существовала погрузочно-разгрузочная фирма сп «Коё унью», служившая «Ямагути гуми» «крышей». Она прятала от посторонних глаз и от ока американской оккупационной администрации, совсем не бдительного, ес-

ли не сказать – слепого, гангстерские поборы с грузчиков. Но «Коё унью» была одной из нескольких фирм. Остальные «крыши» прикрывали грабеж грузчиков другими бандами. Пришло время покончить с ними – такое решение принял Таока.

Начал он с захвата одного за другим всех видов портовых работ: трюмных, перевозочных – от судна к берегу на баржах, перегрузочных – с барж на пирс. Скоро 12 фирм – и все с гербом «Ямагути гуми» – заправляли делами в порту. Юкио Дзидо пришлось немало потрудиться. В 1956 году эти фирмы объединились в «Ассоциацию по развитию портовых работ» – Таоке нравились пышные названия. В ассоциации заправляли, естественно, люди из «Ямагути гуми». Таока скромно взял себе пост вице-председателя. Предстояло сделать следующий, самый сложный шаг.

Получать монопольную прибыль на погрузочно-разгрузочных работах означало бить по пальцам очень многих сильных рук. Здесь Юкио Дзидо мог и не управиться. На портовый бизнес опирались столпы японской капиталистической экономики – фирмы «Мицуи», «Сумитомо», «Мицубиси». Однако погрузочно-разгрузочными работами они непосредственно не занимались. Взяв с контракта на погрузку или разгрузку судна 15 процентов, фирмы передавали его субподрядчикам – компаниям помельче. Те в свою очередь собирали 15-процентные сливки и остаток отдавали вторичным субподрядчикам – якудза. Гангстеры поденно нанимали

грузчиков на оставшиеся деньги – на оставшиеся после того, как сами забирали свои 15 процентов.

– Воистину, нет чести и совести у большого бизнеса, – сказал Таока. – Нам, труженикам, – Таока не улыбался, поскольку не чувствовал юмора в своих словах, – большой бизнес недодает почти треть причитающихся денег. Наша миссия – покончить с эксплуатацией портовых рабочих. Святой принцип якудза: быть на стороне простого народа – требует этого.

Слушавший Таоку известный профессор, специалист по трудовым отношениям, не сдержался и невежливо фыркнул от смеха. Таока был из тех, кто проглатывает обидчика, но не обиду, однако он прикинулся, что не заметил неучтивости, и сказал о главном, ради чего встретился с профессором:

– Мне нужен профсоюз. Научите, как его организовать.

Преступный мир давался диву и издевательски хихикал над якудза из Кобэ, не всегда грамотно подписывавшими полицейские протоколы, но теперь севшими за парту организованных Таокой курсов по изучению трудового права. Веселье прекратилось, когда 12 профсоюзов, созданных при всех фирмах, что принадлежали «Ямагути гуми», образовали «Объединенный союз портовиков города Кобэ». В него вошли 440 поденных рабочих, запуганных гангстерами. Надо ли говорить, что председателем союза избрали «сынка» из «Ямагути гуми».

Соперники из других банд переполошились, компа-

нии-субподрядчики, из чьих рук «Ямагути гуми» получала изрядно надкусанные контракты, пришли в панику, но было поздно: союз выдвинул перед «Мицуи», «Сумитомо» и «Мицубиси» требование, подкрепленное угрозой объявить забастовку: заключать впредь контракты на погрузку и разгрузку судов, минуя субподрядчиков, то есть непосредственно с «Ассоциацией по развитию портовых работ» – той самой, где Таока являлся вице-председателем. «Мицуи», «Сумитомо» и «Мицубиси», оставаясь при своих 15 процентах дохода с контракта, не видели оснований противиться требованию новоявленного профсоюза, а субподрядчики сопротивляться не посмели. На них надавил крупный капитал города Кобэ. Он не захотел, чтобы к тысяче массовых забастовок, состоявшихся в Японии в 1956 году с января и до событий в порту, добавился еще один трудовой конфликт. Даже однодневная забастовка с потерей 440 человеко-дней нанесла бы большому бизнесу значительно больший ущерб, чем исчезновение в порту Кобэ нескольких мелких субподрядных компаний. Кроме того, с образованием послушной гангстерам рабочей организации ряды докеров оказались расколотыми, а позиции прогрессивного Генерального совета профсоюзов Японии ослабли. Главным образом по этой причине городской крупный капитал оказался благосклонным к «Ямагути гуми».

Сохранился образчик прямого контракта между «Мицуи» и фирмой, служившей для «Ямагути гуми» «крышей». За

разгрузку судна водоизмещением 10 тысяч тонн «Мицуи», не пошевелив пальцем, заработала 160 тысяч иен. Каждый из 216 рабочих, разгрузивших судно, получил по 2500 иен. А «Ямагути гуми» положила на свой банковский счет 820 тысяч иен.

Уцелевшие после встречи с Дзидо и его отрядом соперничавшие банды конкуренции не выдержали, и порт превратился в вотчину «Ямагути гуми». «Наука, разумеется, не волшебный рог изобилия, но неплохое средство такой рог откупоривать», подвел Таока итог очередному этапу борьбы за богатство и власть. «Я всегда с уважением относился к знаниям, – добавил Таока, чей школьный опыт уступал по продолжительности тюремному. – Уважение возросло, когда я убедился, что и знания могут приносить прибыль».

Разумеется, не проникновение в суть законов о труде с целью неуклонного их соблюдения имел в виду Таока. Изучение этих законов потребовалось ему, чтобы обойти сами законы и обмануть и запугать рабочих. Подобного рода «знания» приносили и приносят в буржуазном обществе прибыли не одному только Таоке.

В начале 60-х годов ножами, кастетами, пулями Таока изгнал из префектуры Хёго (Кобэ – главный город префектуры) всех якудза, не пожелавших подчиниться «Ямагути гуми» добровольно, и обратил взор к соседней Осаке, второму по величине промышленному центру страны с населением в ту пору 4 миллиона человек. Город был уже поделен между

несколькими местными бандами. Сражаться со всеми Таока считал опасным – «Ямагути гуми» могла проиграть. Следовало, рассудил Таока, войти в союз с одними якудза, чтобы сообща уничтожить других. Таока послал в Осаку на разведку Юкио Дзидо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.